

Убийство князя Карамышевского

Олонецкой губернии.

Был же славный князь да Карамышевскóй,
Жил он покрай матушки Вятлы-реки,
Ездил он по матушки Вятлы-реки,
Прибирал же себи место да любимое
Покрай матушки было Вятлы-реки;
Дал за место он пятьсот рублей.
Признали тут же князи было бóяра
Его место да любимое,
Давали тут за место целу тысящу.
И тот же князь да Карамышевской
Заводил же он тут да почестный пир,
На князей пир да он на бóяр пир
И на всих гостей да званых-бранных,
Приезжает тут Илья да кум же тёмный,
Илья да кум же темный разбойничёк,
Со своей было дружинушкой хороброю,
И с Гришкой нынь с Олешкой со Баскаковым,
На то же на велико пированиё,
А на тот же на почестный пир.
Розсадил же было князь да Карамышевской,
Всих же розсадил по своим местам,
Вси же ели, вси же пили тут да кушали,
Его белую лебёдушку тут рушали.
А сидит Илья да кум же тёмный,
Он не ест, не пьёт, да сам не кушает,
Его белою лебёдушки не рушает.
Ходит князь Иван да Карамышевской
По своим было полатам белокаменным,
И сам же князь да испрогóворит:
«Ай же ты, Илья да кум же тёмный,
А кум же темный разбойничек!
Ты что не ешь, не пьешь, да не кушаёшь,
Моей белою лебёдушки не рушаешь?

Ествы-ты мои тебе не по́ уму,
Али пѣтъца мои ти не по разуму?
Али чарою тебя да нунь приобнесли,
Аль дурак — тот над тобой да насмеялся ли,
Али пѣтъца тебя да нунь приоббозвал?» —
«Ествы-ты твои да были по́ уму,
Пѣтъца твои были по разуму,
Чарою меня там не приобнесли,
Дурак надо мною не смеялся ли,
И пѣтъца меня да не приоббозвал».
Ходит было князь да Карамышевской
И по тым же по полатам белокаменным.
Говорил же князь да Карамышевской:
«Твое сердце знать разбойничко,
На кой день же ты головушки не убьешь ли,
На тот же день не мошь ты жив же быть».
Тут мутно его око помутилоси,
Разбойническое сердце разгорелоси
И с кровью тут глаза да повернулиси,
Повыглянул на князя он же с подлобья.
Говорит же тут княгиня Карамышевска
Своему же было князю Карамышевску:
«Ай же князь да Карамышевской!
Ты раздрáжил нунь Илью да кума темного,
Кума темного разбойничка.
Его мутное тут око помутилоси,
А разбойничко тут сердце разгорелоси,
А с подлобья на вас да он повыглянул».
Говорил же тут да князь да Карамышевской:
«Знал же я разбойничка раздрáжити,
Знаю я разбойничка утешити».
Шол же во глубоки во по́греба,
На мисú он клал да красна золота,
А на дру́гу кладывае чистого тут серебра,
А на третью каменьев драгоценных.
Тут подносит он Илью да куму темному,
Куму темному, разбойнику,
Эти честныи да дáрева.
Принимает тут Илья да кум же темныи

Эти честныи подарочки,
Сам ему да кланялся:
«Благодарствуешь да князь же Карамышевской
За твои велики подарочки.
Ты не бойся-тко Ильи да кума тёмного,
Кума тёмного, разбойника,
Со дружинушкой меня да со хороброю,
С Гришкой нунь с Олешкой со Баскаковым.
Бойся-тко ты ноченьки нунь тёмныи,
Темныи ты ноченьки осеннии».

Князь же Карамышенской зрадётся:
«Я знал же нунь розбойника роздрáжити,
Я умел же нунь розбойника утешити».

С той же со великою со радости,
Что утешил он да нунечку разбойника,
А того же нунь Илью да кума тёмного,
Тут дóпьяна же князь да напивается,
И дó сыти же князь да наедается,
И сам же тут же князь да поросхвастался
Своим тут местом да любимым:
«Я ездил нунь по матушки Вятлы́-реки,
Прибирал же себи место я любимое,
Дал же я за место нунь пятьсот рублёв,
Князи же бояра мни давали целу тысящу,
Я не продал нунь да места да любимого».

Вси тут на пиру да наедались,
Вси же на честном да напивались.
Тут уехал да Илья же кум да темныи,
А Илья же кум да темныи разбойничек,
Со своей было дружиной со хороброю.
Дождается он ноченьки тут темныи,
Хоть бы темныи тут ноченьки осеннии,
И дождался тут он ноченьки да темныи,
Хоть бы темныи тут ноченьки осеннии.
Говорил же он дружинушки хороброю:
«Ай вы, Гришка нунь Олешка да Баскаковы,
Ай же вы дружинушка хоробрая!
А поедемте-тко к князю Карамышинску,
Под его было под место под любимое».

Собирались тут Гришка да Олешка нунь Баскаковы
С тым же нунь Ильей да кумом темным,
Кумом темным разбойником.
Садились они в лодочку-коломенку,
Поезжали тут по матушки Вятлы-реки,
Подъезжали тут под место под любимое.
Прогринула было лодочка-коломенка
Да проскрипали веселышка яровчаты,
А под то было село да под любимое,
Под того ли было князя Карамышенска.
Говорила тут княгиня Карамышенска:
«Ай же князь Иван да Карамышенской!
А под наше село любимое
Прогринула было лодочка-коломенка,
А проскрипнули веселышка яровчаты,
Тут подъехал нунь Илья к нам кум да темныи,
Кум же темныи, разбойничёк».
Говорит же было князь тут Карамышевской:
«Не напился бы теперечку я допьяна,
Не боялся бы Ильи да кума темного.
Кабы мог я нунь ходить да на резвых ногах,
Мог носить в руках бы я черливый вяз,
Не боялся бы Ильи да кума темного,
Кума темного, разбойничка!»
Под окном же тут Илья все да повыслушал,
Говорил же Гришки нунь Олешке да Баскаковым:
«Вы, Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
Берите-тко конец бревна да слягу белую,
И выставьте-тко двери вон со липиньём».
Тут Гришка да Олешка нунь Баскаковы
Брали тут конец бревна да слягу белую,
Ударили тут в двери да со липиньём
И выставили двери с ободвереньей.
Приходит тут Илья же кум да темныи,
Кум же темныи, разбойничёк,
Приходит тут в полаты белокаменны,
Говорит же тут Илья да кум же темныи,
Кум же темныи, разбойничек:
«Вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!

Вы берите-тко копьё да бурзамецкое,
Вы сколите-тко нунь князя Карамышенска,
А во той было во ложни да во тёплыми».

Говорили тут же Гришка да Олешка нунь Баскаковы:
«Ай не носят нас да ножки резвыи,
А не здынутся да ручки наши белые,
Что сколоть же нунь нам князя Карамышенска
А во той было во теплыми во ложеньки.
Мы ели, пили, тут же кушали,
Его белую лебедушку тут рушали,
Мы приняли да честными подарочки.
Не можем мы сколоть нунь князя Карамышенска». —
Его мутное тут око помутилось,
А разбойницкое сердце разгорелось.
Как тяпне он копьё да бурзамецкое,
И сколол же тут он князя Карамышенска
А во той было во ложни да во тёплыми.
Говорил же тут Илья да кум же тёмными,
Кум же темными, разбойничёк:
«Ай вы, Гришка да Олешка нунь Баскаковы!
Вы сколите-тко княгиню нунь за люлечкой».

Отвечают Гришка да Олешка нунь Баскаковы:
«Ай не носят нас да ножки резвыи,
А не здынутся да ручки наши белые
Да сколоть же нам княгиню да за люлечкой.
Она мужа тут да не учила ли¹,
Что роздразжить Илью кума тёмного».

Его мутное тут око помутилось,
А разбойницкое сердце разгорелось,
И сколол же он княгиню да за люлечкой.
«Ай вы Гришка нунь Олешка да Баскаковы!
Вы возьмите-тко младенчика из люлечки,
Рвите-тко младенчика да надвое».

Гришка тут Олешка да Баскаковы
Отвечали тут Ильи да куму тёмному:
«Ай не носят нас да ножки резвыи,
А не здынутся да ручки наши белые,
Что его нунь душенка безвинная,
Не учил же он да отца-матери!»

Мутное тут око помутилоси,
Хоть разбойницко же сердце разгорелоси,
Выхватил младенчика из люлечки,
На ногу ступил, за дрúгую дернул ли,
Надвое младенчика порозорвал.
Тут пограбил он же князя Карамышинска,
Сóжгал тут же место да любимое,
И уехал тут Илья да кум же темныи
Со своей было дружинушкой хороброю.
Съехал тут Илья да в свой же дом
Со своей было дружинушкой хороброю.
Мутно ёго око тут же мутится,
Разбойническое сердце розделяется:
Ехать мне ко городу ко Киеву
А й ко ласковому князю ко Владимиру,
А й убит же там Василья сына Карамышинска.
Собрал он дружины сорок тысячей,
Сам разбойничек поехал да посланником
А й ко солнышку к Владимиру,
А й ко князю стольнё-киевску.
Приезжае со дружинушкой хороброю,
Половину оставяе во чистом поли,
А с другою приезжае в Киев-град.
Просит у Владимира да войска безпощадного,
Он большего просит кроволития².
Убоялся наш Владимир стольнё-киевской
Тут Ильи да кума темного, разбойника,
Он просил к себе во гридни во столовыи,
Во великое себе-ка во гостёбищю.
Пожелал же тут Илья да кум же темныи
Кум же темныи, разбойничёк,
Что ли к солнышку к Владимиру,
Что ль ко князю стольнё-киевску,
А во ты ли в гридни во столовыи
Во великое гостёбищё
Со своей дружинушкой хороброю,
С Гришкой со Олешкой со Баскаковым.
Тут солнышко Владимир стольнё-киевской
Ставил он же столики дубовыи

И угащивал великиим гостебищем,
А садил Илью на место да на первое,
А садил во место да во бóльшее.
Да разнощик был Василий да Иванович,
Что ль любимыи его племянничок,
Того князя Карамышевска его-то рóдной сын.
Розносил он чару зелена вина
На том ли на великом гостебище.
Перву чару нёс он, не донес,
А другую нёс же, перенес,
А третьей чары Ильи не подал,
А и не подал разбойничку.
Мутно его око помутилоси,
А разбойничко тут сердце загорелоси,
С кровью тут глаза да повернулиси,
С пóдлобья да он повыглянул
На того было Василья на Иванова.
Сам же тут Илья да испрогóворит:
«Ай ты солнышко Владимир стольнё-киевской!
И какой у ты поставлен да разнощиком,
Перву чару нёс да к нам же не донес,
А другу чару нёс да нас он перенес,
А третьёю-то чары нам же не подал?
А заводит он же бой драку великую,
А большое он же с вами кроволитие».
Говорит же тут Владимир стольнё-киевской:
«Ай же ты любимыи племянничок,
Ай Василей да Иванович,
Ты крестовое мое да было дитятко!
А зачем же ты роздрáжил нунь Илью да кума тёмного,
Кума темного, разбойничка?
За твои поступки неумильныи
Прикажу ти голову рубить!»
Тяжелéшенько тут он да поросплакался:
«Ах ты солнышко Владимир стольнё-киевской,
Ты родитель мой же дедушка,
Да крестовой мой же батюшко!
Ты не носят да меня же ножки резвыи,
Да не здынута мои же ручки белыи

Подать чары зелена вина.
А й убил же он родителя нунь батюшка,
Что ли князя Карамышенска,
Твоего ли зятя да любимого,
А во той было во ложни да во тёпльи,
А мою было родитель тут же матушку,
А твою было сестрицу да родимую,
А сколол же он за люлечкой,
Моего же было братца да родимого
А и вьюноша тут малого,
А он выдернул из люлечки,
На ногу ступил, за дрúгую тут дернул ли,
И надвоё его порозорвал!
И видел бы Илью да я на ножики,
А не то же поднести да ёму чару зелена вина,
А тому Илье да куму тёмному,
Куму темному, розбойнику!»
Говорит тут Владимир стольнё-киевской:
«Ай же ты крестово мое дитятко,
Ай Василей да Иванович!
Буде мошь отлить ты кровь родительску,
Буде мошь ты с ним да нунь поправиться,
Ты убей-ко нунь Илью да кума тёмного,
Кума темного, розбойника».
Мутно ёго око помутíлоси,
Богатырско сердце загорелоси,
Подскочил к столам да он дубовым,
Как ухватил он Илью да за желты кудри,
Здынет тут Илью да выше гóловы,
Топнул он Илью да о кирпичен мост,
Повернулись тут глаза да вон косицами,
Как ухватит он его да тут же за ноги,
Взял же он розбойником помахивать.
Выскочил Василей да на шíрок двор,
Добирается до оси до тележныи,
До тележныи до оси до железныи,
А тая-то ёму мера по плечу пришла.
Взял же по той силушки помахивать,
Вся же сила тут его да розбежаласи,

Малыи да розбежалиси,
Старыи тут растулялися,
Вся та силушка назад ушла,
Вся же сила по своим местам.
Забирается во гридни во столовыи
Что ль ко солнышку ко князю ко Владимиру.
«Благодарствуй ты любимыи племянничок,
Ты племянничок да крестничок,
Да Василей ты Иванович!
Отлил ты ему да кровь родительску
Да тому было розбойничку,
Да тому Ильи да кúму тёмному.

*(Записано А. Н. Гильфердингом летом 1871 года от крестьянина д. Горка,
Повенецкого у. П. Л. Калинина. Напечатано в «Онежских былинах» т. I. № 10,
стр. 127-137)*

1 Ли не имеет здесь смысла вопросительного, а напротив, утвердительный, вместо: не учила ведь.

2 По объяснению певца, это значит, что объявляет Владимиру войну.

В. Ф. Миллер. Исторические песни русского народа XVI-XVII вв., Петроград, 1915.